

Валентина Мажарова

Божественное проявление

Москва
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
М13

Мажарова В.

М 13 Божественное проявление / Валентина Мажарова. –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 92 с.

ISBN: 978-5-519-00999-7

*Я счастлива, что мысли от застоя
Спасают вечно ждущие дела,
Невзгоды принимаю только стоя,
Вот потому судьба со мной мила.*

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)**

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается
без письменного разрешения автора. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN: 978-5-519-00999-7

© В. Мажарова, 2014
© Lennex Corp., 2014

НЕВЫДУМАННАЯ ЖИЗНЬ

26 июня 2011 года я стояла в очереди в Покровском женском монастыре к мощам Матроны Московской. День был солнечный, но редкие облака, проплывая, закрывали иногда светило. Накрапывал дождь, вернее, падали крупные капли дождя, но солнце, пробиваясь из хмари, светило ярко.

Народ, переминаясь с ноги на ногу, тихо переговариваясь, очень медленно двигался к храму.

Люди шли просить и благодарить Матрону. Делились чудесами. Вдруг молодая женщина упала и стала биться. Молодые люди подбежали, спрашивая: что делать?

– Жмите мизинец! – крикнула я.

На какое-то время это помогло, и мужчины отнесли её на сиденье, жаль, не к Матроне в храм: то ли далеко нести, или не догадались, что только она ей могла помочь, а может, не пришло её время исцеления? Больная отдохнула и ушла с территории монастыря.

Рядом со мной шла Юля, сказала, что идет благодарить святую за чудо, которое она для неё совершила, казалось, в безнадежном деле...

Я тоже рассказала о чуде, но о нём потом... Моя жизнь состоит из чудес. Я уже каким-то чутьём знаю, что это нам предназначено свыше, главное, вести себя достойно и преодолевать трудности стойко и не хныкать... Я хочу о

себе рассказать с самого моего рождения. Всё, что я буду говорить, я буду считывать со своих плёнок, которые находятся вокруг меня, – они цветные: серые, зелёные и малиновые...

Мои родители познакомились и полюбили друг друга в городе Коломне Московской области. После регистрации брака несколько месяцев они жили в Коломне, потом папа уговорил маму, беременную мною, уехать с ним на его родину – в село Октябрь, тогда еще Московского округа, теперь это Рязанская область. И вскоре, с праздника урожая, на Покров, маму увезли в больницу, где я и родилась. Мне было несколько месяцев, я заболела, как потом говорили, была при смерти. Горели свечи, мама плакала, просила Бога о моём спасении, и произошло чудо. Я выздоровела. Даже помню, как в девять месяцев стала ходить.

Помню, вернее, вижу крыльцо, чистые жёлтые доски. Яркое солнце. На мне красивое платице. Босиком. Мама просит подругу посидеть и поглядеть за мной. Подруга спрашивает маму:

– Валя ходит?

– Нет, стоит дубок, – отвечает мама и идет за водой.

Подруга ставит меня на пол. Пол тёплый. Я делаю шаг, ещё, и подруга кричит:

– Таня! Валя ходит!

Мама бросает вёдра: вижу, что они металлические. Бежит к нам. Вечером приходит папа с работы. Мама радостно говорит:

– Дочь наша ходит.

Я иду от стола к выходу, хлопаю ладошками по двери, давая понять: открывайте, я и дальше пойду.

Вижу очередную картинку: играю с кошкой, висит люлька, в ней девочка – это сестра Шура.

А до её рождения был такой случай: копали в сентябре картошку, дети (взрослее) взяли меня с собой поиграть. Недалеко от картофельного поля был сарай. Дети зашли в него, увидев дрова, шустрые принесли спички, картошку и разожгли костер. Дров не жалели. Сухие поленья быстро разгорелись. Пламя поднялось до потолка, затрещали доски, и дети, испугавшись, разбежались. Взрослые не сразу заметили пожар, и, как только увидели дым, пламя, отец ринулся в сторону сарая. Когда вбежал, увидел: я смотрела на пламя. Папа выхватил меня от костра. Через секунду на это место обвалилась балка.

Но вот ещё очередная моя картинка: я проснулась от яркого света, солома в русской печке горела и выстреливала соломинки, которые летели на подготовленную порцию соломы: увидела большой огонь. Открылась дверь, и мама меня и Шуру вынесла из горящей избы. После пожара отец с семьёй завербовался на Север.

Жили в бараке, в маленькой комнате. Мама меня укутывала и выпускала на улицу. Я смотрела вверх: солнце еле-еле пробивалось сквозь высокие деревья, а внизу мужчины пилили, а женщины обрубали ветки с огромных спиленных деревьев. Девушки слаженно и красиво пели про Катюшу. Мне они радовались, спрашивали:

– Пойдёшь с нами работать?

– Да.

– Тебе надо больше кушать, быть большой, и тогда обязательно возьмём тебя в свою бригаду.

Я понимала, что они шутили, но они мне нравились, и Катюшу, которая выходила на берег крутой, я запомнила

на всю жизнь, к тому же при рождении меня хотели назвать этим именем.

Помню ёлку, игрушки на ней: дети танцуют, поют, читают стихи, взрослые играют вместе с малышами. Картинка весёлая и праздничная.

Затем последовала серая картинка. Вокруг тревога. Слышу: война, снайперы, кукушки. Хлеба отрезают по кусочку, потом мама убирает его в деревянный сундук.

Следующая картина: открываю глаза от слов.

– Валя проснётся, – испуганно шепчет мама.

Вижу рождение маленького человечка. Около мамы мужчина в белом халате...

Родилась девочка, которую Шура назвала, как могла выговорить слово: мимо. Родители перевели. В свидетельстве о рождении записали имя Нина.

Вскоре мы с Шурой заболели корью. Комната была в красных тряпках.

Очередная вспышка в памяти: чувствую голод. Вокруг всё тревожнее и тревожнее. Бежим по снегу. У папы за спиной большой узел, на руках Шура и узел поменьше. Мама держит свёрток – это укутанная Нина. А меня несёт младший брат папы Поликарп. Он тоже был на лесоразработках, жил в общежитии. В какой-то момент мы с ним падаем в сугроб. Отец подбегает к нам, помогает подняться. Просит торопиться:

– Можем опоздать.

– Чуть ступил в сторону и увяз, – оправдывался брат.

Потом перрон вокзала, людей видимо-невидимо. Залезли в товарный вагон. Размещались на полу. Среди вагона находилась буржуйка. Все старались быть к ней поближе. Ехали долго.

Очень запомнился приезд в Москву. Выгрузились из вагона. Папа нас разместил на узлах, а сам побежал за продуктами. Достал только селёдку, но какая она была вкусная! До сих пор я её люблю: как только куплю и сразу разделяваю.

Приехали к маминим родственникам в Коломну, разместились вместе с ними в одной-единственной большой комнате. Отец поступил учиться на кузнеца. Дали в общежитии комнатку в Щурове, оттуда я ушла на мост. На мосту с интересом смотрела, как ползли пароходы, баржи по реке Оке. Неожиданно меня взяли на руки, возбуждённо приговаривая, что меня потеряли и еле нашли.

После учёбы папу распределили в село Головачёво, недалеко от станции Подлипки по Казанской дороге, километров двадцать от Коломны, где дали избу с небольшим участком.

Сестра Шура находилась в больнице, после кори, тяжелейшего осложнения, умерла. Смерть сестры на меня произвела неизгладимое впечатление. Я выздоровела, а она нет. Впервые столкнулась со смертью. Как это Шуры больше нет? Мне сказали, что её закопали в ямку. И я долго смотрела на ямы с ужасом.

Папа работал в кузнице, ковал лошадей, чинил машины, делал разную утварь. Около него всегда были люди. Однажды на спор он на своих плечах приподнял лошадь. Как раз это было при мне. Я очень гордилась отцом. Рассказала о случае маме. А мама сказала, что он дуростью занимается.

К нам приехала моя крёстная Елена. Она была старше меня на десять лет, самая младшая сестра папы. Когда меня крестили, то ей сказали, что она крестит первую де-

вочку, что отдаст всё своё счастье мне, но она всё равно стала моей крёстной. И в жизни была уважаемой и счастливой.

Привезли детей из Испании. Лена бегала смотреть на них. Ей они очень понравились.

– Давайте возьмем на воспитание. Они такие красивые, и мне их жаль, – просила она. И нечаянно наступила на склянку. Кровь захлестала из раны, и все бросились её спасать, забыв на время о тех детях из Испании, а их вскоре увезли в другие места.

Родственники об этом случае часто вспоминали.

Родители быстро обустроились: развели кур, гусей, разделили огород.

И вдруг война. На улице у сельсовета висела тарелка, из которой неслись тревожные звуки.

Голос диктора объявлял о нападении Германии на нашу страну. Вскоре стали провожать мужчин, почти из каждого дома. Папу задержали на месяц: должен был подковать коней для фронта. Затем призвали в военкомат на курсы, учился на связиста и после обучения был отправлен на Ленинградский фронт.

И начались тяжкие дни ожидания вестей, писем. Уже стали приходить похоронки. Почтальона ждали с волнением. Что он несёт? Треугольники часто приносили радость – значит, жив. В это тревожное время поняли, как дороги близкие. Каждый день мама ждала папу. Сохраняла запасы продуктов. Бомбили железную дорогу. Самолёты с фашистской свастикой с противным рёвом кружили в нашем пространстве. Мы не убегали в бомбоубежище, хотя его срочно подготовили. Нас мама, меня и Нину, держала около себя. Окна были заклеены бумаж-

ными полосками крестом. Ночью под вой сирены мы забирались на русскую печку и рядышком ожидали конца бомбёжки.

Неожиданно, у меня заболела левая нога. Острая боль от бедра пронзала всю ногу. Я не могла стоять. Каким образом узнала тётя Аня, мамина младшая сестра? Только в один из дней они пешком понесли меня в Коломну. Несли по очереди. Когда несла мама, я чувствовала, что у неё в животе кто-то или что-то ворочается. Я просилась на руки к тёте Ане. Мама возмущалась:

– Но не может всё время нести тётя Аня.

– Таня, тебе нельзя нести такой груз, – и отбирала меня у мамы.

В Коломне меня положили в больницу.

Бомбили, и даже иной раз казалось, что бомбят именно нашу больницу. Тогда нас, больных детей, на носилках уносили в подвал.

Думая, что у меня перелом ноги, наложили шину, но вскоре это предположение не подтвердилось. Услышала название моей болезни – рожистое воспаление; как потом узнала, это такая болезнь, от которой становятся инвалидами. Лежала долго. Я плакала и звала маму. И вдруг приехали бабушка с дедушкой и под расписку забрали меня к себе. Лечила меня бабушка. Читала молитвы. Я лежала на кровати. Не вставала. Через некоторое время бабушка стала часто забывать ключи. Она стучала в дверь и просила меня скатиться на лавку, которая была специально подставлена, а с неё на подстилки. Я перекатывалась с кровати на лавку, затем сваливалась на мягкие вещи и ползла до двери, подтягивалась и открывала дверь. Позже я узнала, что это она делала преднамеренно. Несколько

раз в день и на ночь бабушка заговаривала мою болезнь, тренировала меня. Я двигалась с трудом. И вот наступил день! За мной приехала мама. Она держала меня за руку, и я самостоятельно бежала рядом. Что меня поставила на ноги бабушка, я осознала через много лет, когда с такой же болезнью девочку из их подъезда не стали лечить у бабушки, а положили в больницу. Через три года девочка стала ходить на костылях. Родители пожалели, что не согласились с бабушкой, а она так хотела помочь.

Дома я увидела братика Толю. Война продолжалась, но бомбёжек уже не было, скорее, не было страшного завывания, разрывов бомб, но побежали люди из городов в деревни за продуктами. Мама делилась мукой, овощами с родными. Теперь они приезжали всё чаще и чаще, и мама стала опасаться, что ничего не сбережёт для папы. Она его так ждала. Что такое ждать, я познала на всю жизнь. До сих пор меня это слово тревожит и доводит до безысходности. Мы уже знали, что он ранен и лежит в госпитале.

Я стала проситься в школу. Всю ночь не спала, чтобы не проспять первое сентября. Учительница, подруга мамы, посадила меня с мальчиком за первую парту. Всех так сажали. Девочек и мальчиков было поровну. Мне так нравилось учиться, но через две недели нашу учительницу Валентину Ивановну призвали в армию и отправили на фронт. А мы всем классом ходили каждый день в школу. Нам говорили каждое утро, что занятий не будет, но мы сразу не уходили, надеясь на чудо. Но чуда не было. Только весной после ранения приехала домой наша бывшая учительница Валентина Ивановна. Мы дружным классом пошли к ней домой и стали просить её, чтобы она нас перевела во второй класс.